

Д. С. Мережковский

Царство Антихриста

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Царство Антихриста / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2015. –
253 с.

ISBN 978-5-518-01312-4

ISBN 978-5-518-01312-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
ЦАРСТВО АНТИХРИСТА
Большевизмъ, Европа и Россія

I

«Большевизмъ и Россія», — если такъ ставился вопросъ еще недавно, то теперь уже не такъ. Не «большевизмъ и Россія», а «большевизмъ, Европа и Россія», — вотъ какъ сейчасъ онъ поставленъ всемірно-историческими судьбами, русскими и европейскими.

Между нынѣшней Россіей, большевистскою, и Россіей будущей, освобожденною, Европа, хочетъ того или не хочетъ, будетъ вдвинута. Сколько бы не отрещивалась отъ «вмѣшательства», — рано или поздно, вмѣшается, вдвинется.

Какъ интернаціоналенъ, въ существѣ своемъ, въ Интернаціоналѣ, самъ большевизмъ, такъ и борьба съ нимъ должна быть интернаціональною, всемірною. Когда послѣдній русскій національный фронтъ палъ или ушелъ въ глубь Россіи, въ неизбежную революцію, — это яснѣе, чѣмъ когда-либо. Национальный фронтъ палъ — обнажился фронтъ всемірный.

Этотъ часъ, когда я съ вами говорю, есть часъ всемірности, и это мѣсто, гдѣ я съ вами говорю, — есть мѣсто всемірности: Парижъ — городъ всемірный по преимуществу. Вотъ почему, если когда-либо, то отны-

нѣ, и если гдѣ-либо, то отсюда, борьба съ большевизмомъ должна сдѣлаться всемірною.

Да, между большевизмомъ и Россіей будетъ двинута Европа. Это очень трудно понять европейцамъ. Но, какъ имъ ни трудно, — мы, русскіе, должны сдѣлать, чтобы они наконецъ это поняли.

Европейцы этого не поймутъ, пока мы, русскіе, сами не поймемъ, что большевизмъ можетъ быть побѣжденъ только «Третьей Россіей».

Что такое Третья Россія?

Россія первая — царская, рабская; Россія вторая — большевистская, хамская; Россія третья — свободная, народная.

Но, прежде чѣмъ говорить о существѣ Третьей Россіи, должно сказать о ведущихъ къ ней путяхъ.

На этихъ путяхъ все русское изгнаніе, русское «разсѣяніе», уже подобное великому разсѣянію Израиля — diaspora — дѣлится на-двое: на знающихъ и не знающихъ о томъ, что сейчасъ происходитъ въ Россіи.

Не застигнутые полднемъ большевистскаго ужаса въ самой Россіи, успѣвшіе бѣжать, — не знаютъ всего, а не знаютъ объ этомъ всего — ничего не знаютъ. Кто этого самъ не видѣлъ, не испыталъ, не пережилъ, тотъ никогда ничего не узнаетъ.

Между знающими и незнающими — черта, подобная чертѣ смерти: живые — мертвыхъ, мертвые живыхъ не разумѣютъ. «Между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ». Мы и вы — тотъ свѣтъ и этотъ.

О томъ свѣтѣ мы вамъ ничего сказать не можемъ. Между нами и вами — стѣна стеклянная. Вы видите, слышите, но не осязаете главнаго. Главное

свойство того, что сейчас происходит въ Россіи — нѣмота, несказанность, неизреченность ужаса. Люди сострадаютъ страданію малому и среднему; слишкомъ большому сострадать уже не могутъ, потому что не видятъ его: такъ ультрафіолетовыхъ лучей не видятъ глазъ. Вся Россія сейчасъ — въ такихъ лучахъ страданія невидимыхъ.

Кто знаетъ все, что сейчасъ происходитъ въ Россіи, — у того не рана въ душѣ, а вся душа — рана; тотъ человекъ съ содранной кожей. «Ничего, обрастешь, забудешь», говорите вы, незнающіе; а мы говоримъ: не хотимъ обрастать, не хотимъ забывать. Будь мы прокляты, если забудемъ!

«Воскреснетъ же когда-нибудь Россія, — подождемъ», говорите вы: а мы говоримъ: никогда не дождется Россія тотъ, кто ждалъ.

«Лучше большевики, чѣмъ то или это», говорите вы, а мы говоримъ: лучше все, чѣмъ большевики.

Для ихъ сверженія вы готовы жертвовать тѣмъ или этимъ, а мы — всѣмъ. Съ тѣмъ или этимъ вы у нихъ соглашаетесь; а мы — ни съ чѣмъ. Вы — мирящіеся; мы непримиримые.

«Не вмѣшивайтесь въ русскія дѣла», говорите вы, а мы говоримъ: невмѣшательство противъ большевиковъ — вмѣшательство за нихъ.

Невмѣшательство — соглашательство — предательство, русское и всемірное.

Кто предалъ Россію большевикамъ и вотъ уже три года предаетъ? Соглашатели — Ллойдъ-Джоржъ одинъ, и Ллойдъ-Джорджи безчисленные; Керенскій одинъ — и безчисленные Керенскіе. Если Керенскій вернется въ Россію, то какъ встрѣтятъ его? Растерзаютъ? Нѣтъ, онъ самъ рассыплется прахомъ.

Кто торговался о Россіи «единой, недѣлимой» и мертвой, забывъ о Россіи живой и расчлененной, растерзанной? Все вы-же, соглашатели, русскіе и всемірные.

Еще оттуда, изъ нашего гроба, погребенные живо вмѣстѣ съ Россіей, мы торгъ этотъ слышали, во время наступленія Колчака, Деникина, Юденича, — торгъ о Польшѣ, Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, и каждое условіе торга вколачивало лишній гвоздь въ нашъ гробъ. Нѣтъ, этого мы вамъ никогда не забудемъ за себя и за всѣхъ, кто остался въ Россіи. Будь мы прокляты, если забудемъ, — говоримъ о себѣ. Говоримъ и о васъ: будьте вы прокляты, уже забывшіе!

Да, соглашатели суть предатели, пусть невинные, честные, благородные, но все же предатели, — вѣдь, главное свойство Керенскихъ и есть сочетаніе благородства съ предательствомъ.

Русскій Парижъ — городъ соглашателей. Но не весь. Если бы весь, то съ нимъ и говорить бы не стоило. Я съ вами говорю, потому что вѣрю, что тамъ, гдѣ есть русскіе люди, есть и люди съ содранной кожей, незаростающей; тамъ, гдѣ есть русскіе люди, есть и помнящіе все, что сейчасъ происходитъ въ Россіи; не соглашатели, не предатели, — враги большевиковъ непримиримые. Я съ вами говорю, потому что вѣрю, что среди васъ непримиримыхъ много, и будетъ все больше; а когда будутъ всѣ, тогда большевизму конецъ, тогда будетъ Третья Россія.

Непримиримость — вотъ въ Россію Третью путь единственный. Кто сошелъ съ него, тотъ въ нее не войдетъ. Не войти въ Россію, не имѣть въ ней части — казнь мирящихся.

Мириться можно со зломъ относительнымъ, съ аб-

солютнымъ — нельзя. А если есть на землѣ воплощеніе Зла Абсолютнаго — Діавола, то это — большевизмъ.

«Вашъ отецъ — діаволь. Онъ былъ человѣкоубійца отъ начала, лжець и отецъ лжи».

Большевики — сыны діавола, лжецы и человѣкоубійцы отъ начала. Лгутъ и убиваютъ, убиваютъ и лгутъ. Покрываютъ ложь убійствомъ, убійство — ложью. Чѣмъ больше лгутъ, тѣмъ больше убиваютъ. Безконечная ложь — человѣкоубійство безконечно.

Отъ начала солгали: «миръ, хлѣбъ, свобода». И вотъ — война, голодъ, рабство. Такое рабство, такой голодъ, такая война, какихъ еще никогда на землѣ не бывало.

Лгутъ о революціи — освобожденіи, а свободу называютъ «буржуазнымъ предразсудкомъ». (Ленинъ.) Но, если надо буржуазію уничтожить, то надо уничтожить и свободу. Это и дѣлаютъ: убиваютъ свободу и покрываютъ убійство ложью. Лгутъ, что убили свободу *на время*, пока не восторжествуетъ равенство. Но нельзя убить свободу на время. Убитая свобода не воскресаетъ, пока живы свобододубійцы. Пока живъ большевизмъ, свобода мертва.

Да, востину, такого рабства никогда еще на землѣ не бывало. Донынѣ всякое человѣческое насиліе, порабощеніе было только частичнымъ, условнымъ и относительнымъ, именно потому, что было только человѣческимъ. Всякій поработитель зналъ, что дѣлаетъ зло. Большевики этого не знаютъ. Такъ извратили понятія, что зло считаютъ добромъ, добро — зломъ, «по совѣсти» по своей нечеловѣческой, діавольской совѣсти. И впервые на землѣ явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловѣческое, діавольское.

Такъ же лгутъ и о хлѣбѣ. Не хлѣбъ имъ нуженъ,

а голодь. Не борятся съ голодомъ, а голодомъ держатся: вся власть ихъ зиждется на голодѣ. Давно ужъ поняли, что сытый народъ бунтуеть, ищетъ свободы; а голодный покоряется и чѣмъ голодѣе, тѣмъ покорнѣе. Давно уже поняли, что цѣнь голода — изъ всѣхъ цѣней крѣпчайшая. Всѣ человѣческіе страхи мгновенны и частны, по сравненію со страхомъ голода, общимъ и вѣчнымъ. Огнемъ и желѣзомъ пытаются одного человека, а человѣческія множества — «массы» — голодомъ. Много смертей человѣческихъ; у каждаго человека — своя; но голодная смерть для всѣхъ одна. Когда и мать-земля не родить, то человекъ — сынъ, проклятыи матерью. Проклятье земли тягчайшее.

Плодь полей и грозды сладки
Не блистають на пирахъ,
Лишь дымятся тѣль остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.

Такъ сейчасъ въ Россіи, такъ будетъ и во всей Европѣ, если пройдетъ по ней большевизмъ. Гдѣ конь этотъ ступитъ копытомъ, тамъ трава не растеть; гдѣ саранча эта сядеть, тамъ уже ни былшники, ни колоса. Съѣли Россію — съѣдятъ и Европу. Весь міръ съѣдятъ. Вотъ для чего идутъ съ востока на западъ красныя полчища. Не Троцкій ведетъ ихъ, а полководецъ иной — апокалипсическій всадникъ на черномъ конѣ съ чернымъ знаменемъ — Голодь. И пулеметнаго огня въ спину не нужно, когда гонитъ людей голодь: если позади смерть, а впереди хлѣбъ, то люди идутъ впередъ и пройдутъ весь міръ — не остановятся. Вотъ, въ чемъ тайна красныхъ «побѣдъ», этихъ чудесъ діавольскихъ.

Большевики и это давно уже поняли. Какъ побѣдили Россію, такъ побѣдятъ весь міръ голодомъ.

Исполнилось надъ нами слово пророка: «Умерщвляемые мечемъ блаженнѣе умерщвляемыхъ голодомъ. Руки мягкосердечныхъ женъ варятъ дѣтей своихъ, чтобы они были имъ пищею. Кожа наша почернѣла, какъ печь, отъ жгучаго голода».

Погодите, народы Европы, слово это и надъ вами исполнится: если не обратитесь и не покаетесь, будетъ и у васъ небывалое царство голода — царство діавола.

Лгутъ о хлѣбѣ, лгутъ о свободѣ, но больше всего лгутъ о мирѣ.

Мира жаждетъ нынѣ человѣчество, какъ умирающій отъ жажды жаждетъ воды. Но мира нѣтъ, и сейчасъ меньше, чѣмъ когда-либо, можно надѣяться, что будетъ миръ. На востокѣ Европы все еще бушуетъ война; на западѣ буря какъ будто утихла, но страшная мертвая зыбь войны уноситъ полуразбитый корабль Европы въ океанъ безбрежный, къ новой бурѣ, крушенію новому, послѣднему. Какъ умирающій отъ жажды въ пустынѣ, плетется человѣчество къ источнику мира, а большевики забѣгаютъ впередъ и отравляютъ воду въ источникѣ. Уже отравили, осквернили, сдѣлали миръ «похабнымъ» для Россіи и хотятъ сдѣлать то же для всего человѣчества. Много у нихъ грѣховъ; но это — тягчайшій. Вотъ за что имъ камень жерновный на шею, — за оскверненіе мира.

Лгутъ: всѣ войны кончатся, и будетъ миръ всего міра только тогда, когда внѣшняя война международная сдѣлается внутренней войной междуусобной, переродится въ такъ называемую «борьбу классовъ».

Вотъ гдѣ этими сынами діавола, лжеца и человѣкоубійцы изначальнаго, ложь и человѣкоубійство сплетены въ крѣпчайшій узелъ.

Идея «классовой борьбы», какъ основной социаль-

ной динамики, открыта не ими: вообще никаких идей не открыли они, — безыдейность одно из главных их свойств. Идея эта принадлежит тому, кого они считают своим пророком и учителем, Карлу Марксу. «Въ большевизмъ Марксъ неповиненъ; Марксовы кости въ гробу перевернулись бы, если бы онъ узналъ, что большевики съ нимъ дѣлаютъ». Утвержденіе это, нынѣ столь ходкое, слѣдуетъ принимать cum grano salis. Именно идея классовой борьбы, вплоть до всемирной войны междуусобной, поглощающей все войны международных, идея «классовой борьбы», въ качествѣ единственно желанной и дѣйствительной революціонной динамики, связываетъ большевизмъ съ марксизмомъ, какъ пуповина связываетъ младенца съ утробой матери. Именно по этой идеѣ видно, что недалеко большевистскія яблочки отъ яблони марксистской падаютъ.

Хороша или дурна идея классовой борьбы, благородна или презрѣнна, — мы, живые люди, участники борьбы, палачи или жертвы, кое-что знаемъ о ней, чего Марксъ не зналъ, что и не снилось всеѣмъ мудрецамъ социаль-демократіи. У нихъ идея эта была только въ умѣ; у насъ — въ крови и въ костяхъ: кровь наша льется, кости трещатъ отъ нея.

Мы знаемъ, что война междуусобная въ неизмѣримо-большей степени есть «война на истребленіе», чѣмъ все войны международных, и что это война безконечная. Конецъ ея — взаимопострѣленіе классовъ — еще менѣе возможенъ, чѣмъ истребленіе одного народа другимъ. Французы могли бы истребить нѣмцевъ, и желтая раса — бѣлую, потому что тутъ врагъ — видитъ врага въ лицо, можетъ отличить его отъ друга. Но какъ отличить буржуа отъ пролетарія? Марксъ думалъ, что это легко. Мы знаемъ, какъ трудно.